

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/53/14

Я.С. Чернова, Е.Ю. Талалаева

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭЗИИ КАК ПОДЛИННОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА, Х.-Г. ГАДАМЕРА И П. РИКЁРА¹

*Проанализированы оригинальные лингвофилософские воззрения М. Хайдеггера и пре-
емников его философских идей на осмысление статуса поэзии как языка в чистой
форме. Особую актуальность проблема исследования поэтического текста пред-
ставляет для герменевтической философии, переосмысливающей онтологический
статус поэзии с позиции ее соотношения с повседневным языком.*

*Ключевые слова: поэзия, чистый язык, живая метафора, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер,
П. Рикёр.*

Лингвистический поворот второй половины прошлого столетия обратил воззрения многих современных мыслителей в сторону философии языка. Выступая ключевым объектом философского исследования, феномен языка требовал особой тщательности при осмыслении его места в мире и соотношения с бытием. В поиске ответа на вопрос об онтологическом статусе языка представители различных философских школ и направлений предлагали многочисленные концепции, в связи с чем проблема выявления подлинного языка по-прежнему представляет особую актуальность. В данном исследовании предлагается проанализировать, как введенная в философские научные круги идея выдающегося немецкого мыслителя М. Хайдеггера о «чистом языке» была воспринята его последователями и преобразована ими в собственные оригинальные концепции. Наиболее показательными в этом плане нам представляются герменевтические трактовки сущности подлинного языка в философии Х.-Г. Гадамера, провозгласившего предельной языковой формой лирическое стихотворение, и П. Рикёра, поместившего живую метафору в поэтический дискурс.

М. Хайдеггер: поэзия как чистый язык

Для историко-философской реконструкции представлений Хайдеггера о поэзии и сущности поэтического языка представляется необходимым проследить основные моменты трансформации его оригинального видения языка как целостного феномена. Каждому из этапов философствования немецкого мыслителя присуща тенденция к позиционированию языка как своеобразного гаранта бытия человека в мире. Именно при помощи языка человек обретает способность вхождения в мир и осуществления собственного здесь-бытия. Несмотря на то, что язык в качестве социального феномена может служить опорой взаимопонимания и путем сообщения некоего опыта от одного чело-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 17-33-01099-ОГН «Онтологический анализ поэзии в герменевтической философии мыслителей XX в.» и № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ».

века к другому, понимание сущности языка вовсе не исчерпывается его способностью ретранслировать информацию. В этом ключе Хайдеггер рассуждает, что «...язык – это не какой-то наличествующий инструмент, но то событие, которое распоряжается высшей возможностью человеческого существования» [1. С. 12]. Обращаясь к знаменитой хайдеггеровской аллегории «язык – дом бытия», мы напрямую соотносим ее с основополагающим понятием ранней хайдеггеровской философии – *Dasein*’ом, рассматриваемым в контексте данной работы вслед за учеником немецкого философа В. Бимелем как бытие-в-мире [2. Р. 69]. Однако после «поворота» в мышлении Хайдеггера эти идеи представляются в несколько ином свете. Прежде всего трансформации подвергаются его ранние представления о *речи* (*Rede*) как изначальном проявлении языка в мире и ключевом экзистенциале *Dasein*’а, место которой в философской системе немецкого мыслителя на позднем этапе его творческой деятельности занимает *сказ* (*Sage*). Следует отметить, что понятие «сказ» довольно рано появляется в терминологическом аппарате немецкого философа (уже 29 декабря 1926 г. в его лекции «К чему поэты?» [3. С. 302]). Слово «сказ», как правило, обозначает «легенду» или «народное эпическое повествование» [4. С. 719]. Иными словами, это устный рассказ, повествующий о каком-либо необычайном свершении, а не обыденном повседневном событии. Даже когда Хайдеггер наделяет понятие «сказ» особым смысловым содержанием, он не отказывается полностью от изначальной семантики слова, во многом сохраняя его оригинальное этимологическое значение [5. Р. 191]. Однако впоследствии Хайдеггер довольно редко возвращался к использованию этого слова в своей речи. Вероятно, причина этого кроется в том, что, как и в диалоге с японцем, он хочет избежать злоупотребления этим словом, «уберечь его от применения в качестве расхожей рубрики и от подделки в обозначение какого-либо понятия» [6. С. 298]. Таким образом, *сказ*, исходя из своих сущностных характеристик, возвышается над категориальным аппаратом обыденного языка. *Сказ*, являющийся по своей сути чистым языком, наделен способностью приоткрывать бытие для человека.

Выговариваемость *сказа* в мире, согласно Хайдеггеру, осуществляется через поэта. Поэт прислушивается к невысказанному *сказу* бытия и выражает услышанное на языке поэзии. Следовательно, язык поэта по своей сути и является языком *сказа*. Хайдеггер характеризует поэзию как оригинальный «праязык», он утверждает, что «...праязык – это поэзия в качестве обоснования / учреждения бытия» [1. С. 18]. Подобно тому как на раннем этапе философствования Хайдеггер отрицает видение языка в качестве социально-коммуникативного средства, в своей более поздней философской мысли он отмечает: «Поэзия никогда не принимает язык в качестве наличного материала, нет, она сама впервые делает возможным язык» [Там же. С. 12]. Происхождение языка Хайдеггер описывает следующим образом: «Язык мог возникнуть только из свехвластительного и неуютного в прорыве (*Aufbruch*) человека в бытие. В этом прорыве язык как словостановление бытия был – поэзией» [7. С. 245]. Поэзия является праязыком прежде всего потому, что поэтическое слово хранит в себе «следы скрывшихся богов», и только поэту доступно ретранслировать на языке намеки этих *богов*, которыми они общаются с *народом*. При этом «боги» заимствованы Хайдеггером из философии

древних греков и призваны олицетворять собой сокрытую от обыденных высказываний сверхъестественную сущность языка.

Особое внимание надлежит уделить тому факту, что именно язык говорит через поэта. Язык является «господином человека», а не человек изъясняется свою волю через язык. Данная хайдеггеровская концепция является, возможно, наиболее радикальной в сравнении с обыденными и привычными представлениями о языке и поэтому вызывает значительные трудности в ее интерпретации. Для иллюстрации представленной позиции Хайдеггера и прояснения его идеи в отношении языка можно привести в пример хайдеггеровский анализ известного стихотворения поэта-мыслителя Георга Тракля «Зимний вечер» [8. Р. 192], где немецкий философ делает акцент на чистом говоре языка, при том что сам поэт оказывается «неважен». По мнению Хайдеггера, стихотворение особенно явно демонстрирует, что «...мастерство именно в том и заключается, что поэма может отречься от поэта и его имени» [Ibid. Р. 193]. Разумеется, разъяснения Хайдеггера по этому вопросу могут оказаться на первый взгляд не столь очевидными, однако из них вполне возможно извлечь определенные факты: 1) поэт как автор имеет в значительной мере меньшую значимость, нежели само поэтическое произведение в силу главенствующей роли языка; 2) поскольку личность поэта не играет роли в понимании и интерпретации написанных им произведений, его собственный жизненный опыт не оказывает существенного влияния на сказ; 3) следовательно, язык поэта нельзя приравнять к его собственной речи, он лишь является ретранслятором прежде сокрытой информации. Изложенные факты приводят нас к выводу, что критерием «чистоты» сказанного на языке поэзии не являются личностные качества поэта и, следовательно, слушающего. Язык говорит в поэме, именуя богов и вещи и призывая их в бытие, позволяя тем самым присутствовать в мире. Именно в поэзии люди могут обнаружить сокрытую силу языка, способную разжечь поэтическое воображение поэта и слушателя. Своим бытийствованием поэзия показывает, что обыденный повседневный язык не может быть чистым языком, так как раскрывающаяся истина стихотворения находится не в словах, а в самом *сказе*, который по своей сути являет нечто несоизмеримо большее, чем взаимосвязь слов и образов в тексте. При этом в «Истоке художественного творения» Хайдеггер предостерегает, что «...поэзия – это не бескрайне растекающееся измысливание всего произвольного и те ускользания воображения и представления в пределы недействительного» [9. С. 205]. Поэтический язык – это прежде всего «просветляющий набросок», высвечивающий для бытия человека казавшиеся знакомыми повседневные предметы и вещи, раскрывая их подлинный облик.

Х.-Г. Гадамер: лирическое стихотворение как чистая поэзия

Философская задумка Хайдеггера в отношении онтологического статуса поэтического языка находит свое отражение в творчестве его ученика Х.-Г. Гадамера. При этом важно отметить, что теория языка Гадамера к тому моменту была уже вполне самостоятельно сформирована. В доказательство этому можно привести тот факт, что к моменту выхода в свет работы Хайдеггера «Путь к языку» (1959), наиболее полно и содержательно описывающей взгляд немецкого мыслителя на язык в целом, фундаментальный труд Гадамера «Истина и метод» (1960) был уже завершен. Тем не менее данный факт

не умаляет того значительного влияния, что оказал Хайдеггер на становление философских идей Гадамера, в частности на его представления о соотношении обыденного языка и поэзии. Гадамер дополнил и расширил теорию Хайдеггера о поэзии как особом языке, принципиально отличающемся от обыденной речи, выделив при этом качественно иное состояние поэтического языка – *чистую поэзию*.

Вслед за Хайдеггером Гадамер признавал различие между поэзией и обыденным языком, однако он обосновывал данное различие другим способом. Отличительная черта в подходах двух мыслителей была обозначена профессором философии Бостонского колледжа И. Шейблер: «Тогда как отношение Хайдеггера к поэзии предполагает своего рода привилегии, <...> Гадамер характеризует онтологию языка в отношении разницы и значения различных языковых выражений без иерархизации, дающей привилегию какому-либо выражению в достижении „истины“» [10. Р. 142]. Таким образом, Гадамер отвергает идеи разделения языка на качественно отличающиеся уровни и в центр своего лингвофилософского анализа помещает материальность языка, его форму и звучание, заложенные в основу функционирования живой речи. Он наделяет язык способностью «подводить под общий знаменатель то, что является для них общим, и то, что их различает» [11. С. 117]. Тем не менее он обособливает поэзию от обыденного языка, утверждая, что наша обыденная речь обретает свою осмысленную определенность и ясность в контексте конкретной жизненной ситуации, участниками которой мы являемся [12. Р. 136]. Подобная позиция во многом согласуется с представлениями раннего Хайдеггера об интерпретации роли языка в контексте социальных практик человека в совместно-разделяемом мире и концепции «языковой игры» позднего Витгенштейна. Исходя из этих размышлений, Гадамер делает вывод, что, в отличие от «самодостаточного» поэтического слова, «слово, произнесенное в связи с конкретным действием, не замкнуто на себя; оно вообще „не замкнуто“, а является переходным моментом к содержанию сказанного» [11. С. 117]. В качестве яркой иллюстрации собственной мысли Гадамер приводит знаменитое рассуждение П. Валери о разнице между повседневным языком и поэтическим словом с аллюзией на золотой стандарт в денежном обращении. Слова обыденного языка Валери оценивал «подобно банкноте либо чеку, чья ценность или же то, что мы „ценностью“ именуем, требует забвения их действительной сущности» [13. С. 310], тогда как поэтическое слово подобно старинной золотой монете «само обладает стоимостью, которую символизирует» [11. С. 118]. Однако Гадамер не просто различает обыденное и поэтическое слово, исходя из критерия самооценности слова, он применяет в своей философии понятие *poésie pure* – «чистой поэзии», ранее введенное в оборот поэтом-символистом С. Малларме. Согласно Гадамеру, «чистой поэзией» является предельная языковая форма искусства – *лирическое стихотворение*, так как в нем «в наиболее чистом виде воплощена неотделимость произведения искусства от оригинальности его языкового выражения» [11. С. 120]. Особую важность поэтическое слово приобретает в современном мире, где обыденный язык масштабно эксплуатируется средствами массовой информации. Являясь замкнутой на саму себя, лирическая поэзия сохраняет только ей присущую *герметичность*, позволяющую сохранять единство смысла всего текста и противостоять утративанию самооценно-

сти поэтического слова в общем потоке языка. В этом переходе в новое качественное состояние поэтического текста важно обозначить, что только когда слово обладает своими особыми оригинальными звучанием и формой, мы можем утверждать, что стихотворение созвучно жизни и поэтическое слово не станет со временем пустым или ложным. В контексте поэтического произведения слова никогда не уподобляются денежной банкноте, отсылающей к некой ценности, существующей в другом месте и в совершенной иной форме. Чистое поэтическое слово в лирическом произведении всегда пребывает во временном настоящем, в отличие от слова повседневного языка, утрачивающего с течением времени собственную значимость.

II. Рикёр: живая метафора в поэтическом дискурсе

Понятие *метафора* в ее тесной взаимосвязи с поэзией играет существенную роль в философии П. Рикёра. В своих трудах он стремится к плюрализму суждений, поэтому в работе «Живая метафора» французский мыслитель начинает изыскания с вопроса о единстве модусов дискурса, к которым он относит прежде всего философский и поэтический дискурсы: «...я бы хотел выступить в защиту относительного плюрализма форм и уровней дискурса» [14. С. 108].

Рикёр начинает свой анализ с опорой на аристотелевскую концепцию о метафоре и многозначности бытия. Для мыслителя наибольший интерес представляет рассмотрение термина «поэтическое» в динамическом аспекте. Для Рикёра *mimesis* является активным процессом подражания, репрезентации. Затем он переходит в область онто-теологии, где углубляется в учение Фомы Аквинского, И. Канта. При работе над метафорой Рикёр анализирует высказывание М. Хайдеггера: «Метафорическое существует только в пределах метафизики» [Там же. С. 136]. В понимании французского мыслителя, возможен двойной контекст данного выражения. Во-первых, речь идет не о поэтических метафорах, а о философских, так как философ всегда сталкивается лицом к лицу с метафорами именно в философском дискурсе. «В этом отношении то, что Хайдеггер делает, философски интерпретируя поэтов, тысячекратно важнее, чем то, что он высказывает полемически – не против метафоры, но против манеры называть метафорами некоторые высказывания философии» [Там же. С. 138]. Во-вторых, метафора представляет собой простое перенесение смысла отдельных слов. Подлинная метафора – не «ученая теория» метафоры, но как раз то самое высказывание, которое возражающий свел к простой метафоре, а именно: «мышление смотрит, слушая, и слушает, глядя» [Там же. С. 139]. Рассуждая о подлинности метафоры, Рикёр отмечает, что «поэзия восходит по тому склону, по которому нисходит язык, когда мертвая метафора укладывается в гербарий» [Там же. С. 140]. Что же собой представляет в таком случае подлинная поэзия? По словам Хайдеггера, это – такая поэзия, которая «возводит к истоку речи» и «проявляет мир» [Там же]. Рикёр задается вопросом: «Но не это ли делает и живая метафора?» Однако данная метафора в применении к языку ведет к тому, что однажды распустившийся цветок может оказаться в гербарии, а употребление – среди коллекции избитых фраз [Там же]. Таким образом, весь анализ метафоры сводится к доказательству высказывания того, что она существует в пределах метафизики.

Значение живой метафоры в дискурсе (поэтическом, философском, научном, религиозном и т.д.) подчеркивается и усиливается тем, что метафора может в какой-то момент стать «изношенной», мертвой. Ее оживление состоит в разоблачении понятия. В поэтическом дискурсе омоложение мертвой метафоры вновь ведет к приобретению функции переосмысления.

Следует отметить, что Рикёр поддерживает тезис о том, метафорическое выражение – не просто риторическая фигура, которую мы используем в языке, именно метафора делает реальность «обитаемой», открывает для нее новые значения, которые дескриптивный язык открыть не может. Поэтому истина, открываемая в метафоре, приводит нас к пониманию иного мира, более осмысленного и истинного.

Поэтическая функция – это не случайная демонстрация возможностей языка, при анализе метафоры мы «переосмысливаем» реальность, делаем ее новой. Рикёр анализирует «поэтичность» метафоры с точки зрения творения смысла и семантической инновации.

Заключение

Хайдеггер заложил в современную философию представления о языке как о своеобразном гаранте человеческого бытия-в-мире. Согласно немецкому философу, именно чистый язык, облеченный в форму поэзии, дает человеку возможность приоткрыть завесу бытия и войти с помощью языка в «дом бытия». Несмотря на присущие языку социальные функции, Хайдеггер исключает восприятие языка в качестве коммуникативного инструмента и отрицает утилитарный подход к нему. Особенно четко эта позиция прорисовывается после «поэтического поворота» в мышлении философа, когда Хайдеггер возводит *сказ* как практическую выговариваемость языка на принципиально новый уровень – чистый язык. Присутствие *сказа* в мире в полной мере способно осуществиться через поэта, обладающего даром творения поэтического произведения искусства. При этом личность поэта остается неважной в сравнении с самим поэтическим языком. «Чистота» поэзии как оригинального языка не зависит от личностных качеств поэта, ее подлинность определяется способностью языка именовать и призывать вещи в бытие, обеспечивая тем самым их присутствие в мире.

Представления Хайдеггера о поэтическом языке были переосмыслены его учеником Гадамером и преобразованы в новую концепцию – чистой поэзии. Гадамер, отрицая качественную дифференциацию языковых уровней, признавал очевидное различие между обыденным и поэтическим языком. Особый акцент философ делал на самоценности поэтического слова, действительно обладающего той значимостью, которую оно призвано символизировать, тогда как слово повседневного языка наделено смыслом лишь в контексте определенной ситуации. Однако предельной формой поэзии, согласно Гадамеру, является лирическое стихотворение. Благодаря присущей ей *герметичности* данная форма поэзии способна сохранить смысловое единство поэтического текста и обеспечить неизменность ценности поэтического слова. С этой идеей созвучны представления Рикёра о *живой метафоре* и ее взаимосвязи с поэтическим дискурсом. Для Рикёра метафора и рассказ связаны семантической инновацией, которая возникает исключительно в рамках дискурса. Метафора остается живой до тех пор, пока она несовмести-

ма с буквальным прочтением текста. Немаловажную роль в процессе построения метафор в поэтическом дискурсе играет продуктивное воображение. Гносеологическая проблема, возникающая в связи с метафорой, состоит в соединении понимания и объяснения, которое относится к усвоению языковой поэтической практики. Рикёр подчеркивает, что в основе поэтического дискурса лежит процесс взаимодействия между метафорическим способом высказывания и нарушением общеупотребительных значений слов.

Литература

1. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль / сост., пер. с нем. и посл. Н. Болдырева. М. : Водолей, 2017. 240 с.
2. Biemel W. Poetry and Language in Heidegger // Kockelmans J.J. On Heidegger and Language. Evanston : Northwestern University Press, 1980. 380 p.
3. Хайдеггер М. К чему поэты? // Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М. : Академический проект : Фонд «Мир», 2010. С. 299–346.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : А Темп, 2006. 940 с.
5. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Blackwell Philosopher Dictionaries. Hoboken : Wiley, 1999. 300 p.
6. Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Время и бытие : статьи и выступления / пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 273–302.
7. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. 302 с.
8. Heidegger M. Poetry, Language, Thought. New York : Harper Collins, 2001. 256 p.
9. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова. М. : Академический проект, 2008. 527 с.
10. Scheibler I. Gadamer: between Heidegger and Habermas. Rowman & Littlefield, 2000. 208 p.
11. Гадамер Х.-Г. Философия и поэзия // Х.-Г. Гадамер Актуальность прекрасного : пер. с нем. М. : Искусство, 1991. С. 116–125.
12. Gadamer H.-G. The Relevance of the Beautiful and Other Essays. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 191 p.
13. Валери П. Вопросы поэзии // П. Валери Об искусстве. М. : Искусство, 1993. С. 299–313.
14. Станжевский Ф. Поль Рикёр. Живая метафора. Восьмой очерк. Метафора и философский дискурс. Перевод выполнен по изданию: Ricoeur P. La métaphore vive. Paris: Éditions du Seuil, 1975 // Horizon. Феноменологические исследования. 2013. № 2. С. 106–150.

Yana S. Chernova, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation).

E-mail: lisa68.08@mail.ru

Ekaterina Yu. Talalaeva, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation).

E-mail: kater-ina@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 133–140.

DOI: 10.17223/1998863X/53/14

AN ONTOLOGICAL ANALYSIS OF POETRY AS A REAL LANGUAGE IN THE PHILOSOPHIES OF MARTIN HEIDEGGER, HANS-GEORG GADAMER, AND PAUL RICOEUR

Keywords: poetry; pure language; living metaphor; Martin Heidegger; Hans-Georg Gadamer; Paul Ricoeur.

The philosophy of language has become one of the key areas of modern philosophical research beginning with the linguistic turn of the 20th century. This fact has specified the thoroughness in considering the place of language in the world and its relationship with being. Heidegger laid the foundation for the ideas of language as a guarantor of human being-in-the-world in modern philosophy. According to him, it is pure language in the form of poetry that allows man to lift the veil of being and, through the language, enter into the “house of being”. Despite the social functions of language,

Heidegger excludes the perception of language as a communicative tool and denies the utilitarian approach to it. This position becomes more clearly seen after the “poetic turn” in Heidegger’s philosophizing, when he brings the “narrative” as a practical pronunciation of language to a fundamentally new level: pure language. The “purity” of poetry as an original language does not depend on the personal qualities of the poet; it is the ability of the language to call things into being and ensure their presence in the world that determines its purity. Heidegger’s disciple Gadamer reinterprets ideas about poetic language and transforms them into a new notion: pure poetry. Gadamer denies the qualitative differentiation of linguistic levels, but he recognizes the obvious difference between everyday and poetic languages. The philosopher places a special emphasis on the self-worth of the poetic word that possesses a symbolized significance unlike the word of everyday language. The highest form of poetry, according to Gadamer, is a lyric poem. This form of language, because of its closeness, is able to preserve the semantic unity of the poetic text and ensure the invariance of the value of the poetic word. Ricoeur’s notion of a living metaphor and its relationship with poetic discourse is in line with Gadamer’s ideas. According to Ricoeur, the metaphor remains living until it goes beyond the literal reading of the text. An important role in the creation of metaphors in poetic discourse belongs to a productive imagination. Ricoeur emphasizes that the basis of poetic discourse is interaction between the metaphorical way of an utterance and the violation of commonly used meanings of words.

References

1. Heidegger, M. (2017) *O poetakh i poezii: Gel'derlin. Ril'ke. Trakl'* [On poets and poetry: Hölderlin. Rilke. Trakl]. Translated from German by N. Boldyrev. Moscow : Vodoley, 2017. 240 s.
2. Biemel, W. (1980) Poetry and Language in Heidegger. In: Kockelmans, J.J. *On Heidegger and Language*. Evanston: Northwestern University Press.
3. Heidegger, M. (2010) K chemu poety? [Why poets?]. In: Dugin, A.G. *Martin Khaydegger: filosofiya drugogo Nachala* [Martin Heidegger: The Philosophy of Another Initiation]. Moscow: Akademicheskii proekt: Fond “Mir”. pp. 299–346.
4. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: A Temp.
5. Inwood, M. (1999) *A Heidegger Dictionary. Blackwell Philosopher Dictionaries*. Hoboken: Wiley.
6. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 273–302.
7. Heidegger, M. (1997) *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to Metaphysics]. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.
8. Heidegger, M. (2001) *Poetry, Language, Thought*. New York: Harper Collins.
9. Heidegger, M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The Origin of the Work of Art]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Akademicheskii proekt.
10. Scheibler, I. (2000) *Gadamer: between Heidegger and Habermas*. Rowman & Littlefield.
11. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo. pp. 116–125.
12. Gadamer, H.-G. (1986) *The Relevance of the Beautiful and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Valéry, P. (1993) *Ob iskusstve* [On Art]. Translated from French. Moscow: Iskusstvo. pp. 299–313.
14. Ricoeur, P. (2013) The Rule of Metaphor. Study 8. Metaphor and Philosophical Discourse. Translated from French by F. Stanzevskiy. *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya – Horizon. Studies in Phenomenology*. 2. pp. 106–150.